ДЕЛО ТРУДА

ОРГАН РАБОЧИХ-БЕЗВЛАСТНИКОВ

№ 7-8

« DIELO TROUDA » Journal Mensuel

Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:

M. Ferandel, 14, rue du Repos, Paris (20e)

ДЕКАБРЬ 1925

ЯНВАРЬ 1926

ТУПИК БОЛЬШЕВИЗМА

Открывшийся в Москве 14-ый с,езд Р.К.П. стал перед задачей — определить основной хозяйственный и политический курс партии на ближайший период жизни советских республик.

— Куда мы идем? К социализму или к капитализму?— вот вопрос, занявший «командные высоты» большевиков пред с,ездом и на с,езде и разделивший эти «высоты» на два враждебных лагеря.

До последнего времени коммунистические верхи считали, вернее приказывали считать, что Россия, под руководством компартии, строит подлинный социализм. При этом под социализмом разумелась государственная промышленность и земельная политика большевиков. Введенный в 1921 г. нэп большевики, в лице Ленина и других вожаков партии, об,явили вначале временным отступлением от социализма, но затем, по мере того, как совласть все более и более срасталась с ним, нэпу было дано другое толкование и он стал для правящей партии уже путем к социализму.

Всякое сомнение в социалистичности госпромышленности и нэпа рассматривалось, как контр-революция и сурово преследовалось.

Лишь теперь, на 9-м году своего владычества, компартия поставила роковой для себя вопрос — действительно ли она строит в России социализм, а не капитализм?

Вопрос, собственно, поставлен не ею, а широкими массами труда, несущими на себе всю тяжесть бесправия и эксплуатации большевистского режима, и всем своим бытом указывающими на наличие в России типичного капиталистического строя. Лишь под влиянием этих масс, обнажающих капиталистические язвы на своей груди, компартия продискутировала вопрос, однако, как мы увидим ниже, с той единственной целью, чтобы лишний раз «освятить» цитатами из Ленина существующий порядок вещей и доказать, что их мир есть лучший из миров.

О природе социального строя большевиков нам, анархистам, приходилось говорить неоднократно. С самого начала мы определили их хозяйственную систему, как государственный капитализм. Совсем не нэп является государственным капитализмом, в чем хотели убедить русских рабочих Ленин и его подручные, чтобы благодаря этому выдать свою госпромышленность за социализм. Нэп —это обычный вид частного капитализма, призванного большевиками себе на помощь и развивающегося под их покровительством. Сама коммунистическая госпромышленность являлась всего на всего государственным капитализмом. Отличие этого капитализма от капитализма частных собственников состояло лишь в том, что вместо отдельных хозяев-предпринимателей во главе его стал один хозяин — государство, присвоившее себе все эксплуататорские и угнетательские функции в отношении трудящихся и сохранившее в неприкосновенности основы всякого капитализма: систему наемного труда, извлечение из рабочих прибавочной ценности, которую присваевает себе класс хозяев; наконец, привиллегии, которыми живут бюрократия, высшее чиновничество и вообще непроизводящий элемент. Люди на верхах переменились, положение же в низах осталось прежним — глубоко бесправным, тяжелым и угнетенным.

Мы верили, что истинный характер социального строя большевиков, рано ли поздно ли, будет разоблачен самой трудовой массой. Можно было вводить в заблуждение часть трудящихся лишь первое время, вселяя в них надежду на то, что перемена лиц в верхах принесет радикальную перемену их социального положения. Но на заблуждениях нельзя продолжительное время

держать жизнь. Экономический строй — это ведь сама жизнь, которая прет из всех щелей и которую нельзя спрятать от трудящихся.

И если на верхах правящей партии в течении восьми лет считали, что народ живет верой в непогрешимость компартии и всякий ее жест понимает, как шаг к социализму, то в низах, этот самый народ давно увидел, что он живет в царстве самого от,явленного капитализма.

Хищная эксплуатация народного труда, массовые стачки рабочих и жестокое их подавление, толпы безработных, миллионы беспризорных детей, государственная «монополия», и на ряду с этим огромный класс привиллегированных, пресыщенных властью и материальными благами — какого еще капитализма надо?

Лишь жестокая военная диктатура, железом сковавшая всю страну, задерживает пока рост рабочего движения против капиталистических устоев большевизма.

Хотя резолюций с,езда относительно дальнейшего курса компартии еще не имеется, но можно быть заранее уверенным, что «все останется по старому». Те положения, на которых разошлись и спорят верхи компартии, никаких изменений в существующий порядок вещей не вносят. Спор идет, главным образом, из-за личного преобладания в управлении страной. Зиновьев, Каменев, Крупская — с одной стороны. Бухарин, Рыков, Сталин — с другой.

Первая тройка настаивает на ограничении нэпа, предлагая ориентироваться преимущественно на госпромышленность.

Вторая тройка не только отстаивает нэп, но настаивает на его дальнейшем развитии. Для Бухарина, Рыкова, Сталина советская госпромышленность и нэп уже есть социализм.

«Если госпромышленность — говорит Бухарин — это эксплуататорская система, а наша власть держится на этой госпромышленности, то тогда наша власть есть политическое выражение эксплуататорской системы».

Своими словами Бухарин, очевидно, хотел показать всю нелепость разговоров о госпромышленности, как капиталистической системе. Между тем, по своей неопытности он этими словами выболтал то, о чем смутно пока догадывались широкие массы труда,— а именно, что не только госпромышленность, но и власть, сидящая на ней, имеет буржуазно-капиталистическое нутро.

Мы видим, таким образом, что спор между коммунистическими верхами идет из-за слов, что как одна, так и другая спорящая сторона остаются целиком на базе капитализма (государственного или нэповского — для рабочего безразлично). Можем добавить, что в споре о формах капитализма более логичным и последовательным с капиталистической точки зрения оказался центральный комитет партии, представленный на с,езде Бухариным, Рыковым и Сталиным. Ибо иного пути, кроме пути капиталистического, вся партия в целом для себя не видит. «Оппозиция» в лице Зиновьева, Каменева и Крупской ничего не могла возразить против этого общего пути партии.

Возникает вопрос,— к чему же весь этот спор?

Смысл его двоякий.

Во первых, как мы уже отметили, решением партийного с,езда коммунистам необходимо освятить существующий строй и таким образом отнять у рабочих право борьбы с этим строем.

Во вторых, за этим спором скрывалась определенная *борьба за власть* в рамках компартии.

Отдельным большевистским царькам стало уже недостаточно пользоваться властью вкупе. На 9-м году царствования у них появилась потребность индивидуального диктаторства в партии, индивидуального командования страной, каким до сего времени пользовался лишь один Ленин. Негодующие голоса масс,стачки и рабочие движения послужили им лишь предлогом для развития обычной демагогии с целью перемещения власти в свою сторону. Сейчас власть осталась заСталиным и Рыковым. Через год, в результате новой «дискуссии» и новой демагогии, она может оказаться у Зиновьева, или иного лидера партии.

Большевизм упирается в тупик. Рабочие массы, ударяя молотком в стены госпромышленности и нэпа, говорят — это старый капитализм! Коммунисты изворачиваются и обычной своей софистикой стараются убедить массы в том, что их капитализм это — есть самый настоящий социализм. Но уже уплывает вера в слова компартии. Отходит время голого командования массами. Обостряется процесс сознательных классовых противоречий между трудовыми массами и поработившей их компартией. Вещи названы их подлинными именами. Или капитализм или социализм. Как везде и во все времена трудящиеся будут против капитализма за подлинный социалистический строй.

Но коммунисты своими корнями столь глубоко вросли в капиталистический организм, что оторваться от него, как единая партия, они уже не могут. Их дальнейшее существование неразрывно связано с существованием капиталистической системы. Это понятно и отмечено трудящимися России. В этом — исторический смысл теперешнего момента.

В глубине рабочего класса намечается движение борьбы против основ большевистского капитализма — движение, которое должно привести к совершенно новым революционным формированиям трудящихся.

Следует теперь же увидеть и запечатлеть истинный характер этого движения, в котором меньшевики и эсеры хотели бы видеть тоску по буржуазной демократии. Из гущи рабочих масс идут протесты против обезображения революции и превращения ее в базу капитализма. Массы, принесшие гигантские жертвы во имя социальной революции, считают, что время всякого капитализма миновало и что место его должен занять тот общественно-социальный строй, который обеспечивает трудящимся свободу, независимость и равенство, т.е. свободный строй самоуправляющихся рабочих и крестьян. В этом смысл начинающегося против большевистского капитализма движения рабочих масс.

П. Аршинов.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕСМОТРЕ

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

(Окончание)

У нас теперь очень много говорят о том, что анархический строй не осуществим в ближайшее время после революции, что нужен длительный переходный период, и т.д., и не только говорят, но настаивают на этом так, как будто бы признай мы это — и все пойдет как по маслу, а если не признаем — нам грозит катастрофа. Чего же собственно бояться? Можно наверняка сказать, что во всей своей полноте анархический идеал на другой день *первой же* попытки социальной революции не осуществится нигде, что для этого потребуется известный опыт, известное время революционного общественного развития. Анархисты никогда этого не отрицали; именно такой переходный период имели они всегда в виду, когда говорили о необходимости в некоторых областях предоставить преобразования самой жизни и не прибегать — раз уже от старого гнета почва очищена — к насильственному насаждению новых порядков. Например, вопрос о мелкой крестьянской собственности: анархисты никогда не согласятся с тем, чтобы у крестьянина, который сам, *своим трудом*, обрабатывает землю, эта земля была отнята и насильственно обращена в коллективную собственность; они будут рассчитывать на то, что обобществление земли придет благодаря общему развитию духа свободной ассоциации, а также и благодаря примеру процветающих земледельческих общин. Пережитков старого будет несомненно еще очень много в новом обществе, и в экономических отношениях, и в формах организации, и в проявлениях духовной жизни. Вот, например, рабочие союзы и общественные организации (кооперативы, биржи труда и проч.) взяли в свои руки заведование производством и распределением продуктов, но одни из них стоят за применение коммунистического принципа «каждому по потребностям», другие же не решаются расстаться с старою формою оплаты труда и продуктов. С этими пережитками старого анархисты, конечно, будут бороться, но бороться не силою, а идейно, а главным образом *примером*: их главною задачею будет показать, что дело, в основе которого положены *их* принципы, от этого не только не проигрывает, но оказывается более успешным. Вот почему, в условиях этой новой жизни, *где возможны свободные опыты строительства*, работа, которую мы теперь называем «культурною», сливается и отождествляется с работою революционною, и всякое культурное завоевание достигнутое путями анархическими непосредственно служит достижению анархического общественного строя.

Точно также и в других областях: в организации школы, где анархисты должны провозгласить полную свободу преподавания и устройства каких угодно школ, в вопросах религии, где всякое насилие было бы в высшей степени противно анархическому духу и где единственный исход — предоставить все естественному влиянию среды и успехам умственного развития.

Но одно дело — принимать переживания прошлого как необходимое зло и бороться с ними идейным путем, другое дело — возводить эти переживания в необходимую стадию развития и принимать эту стадию как ближайшую цель нашей деятельности, оставляя временно в стороне «неосуществимые» лозунги. Но при этом забывается одно: что лучший способ сделать наши лозунги действительно неосуществимыми, это — замолчать о них.

Существование пережитков старого общества — необходимое зло, но *не к нему* нужно приспособляться при постройке програм, потому что всякое такое приспособление только придает этому злу силу и жизненность.

Никакие предсказания относительно того, в *какой* момент осуществится *какая* доля нашего идеала, ничего в положении вещей не изменит. Во *всякий* момент наша программа может иметь основанием только *наш* коммунизм и *наш* политический идеал, а затем уже сама жизнь укажет то, что окажется в данную минуту недостижимым. Одни растягивают время до целостного осуществления анархического строя на более долгое, другие — на менее долгое время. Но если у некоторых оптимизм — сильнее и они считают это осуществление возможным сейчас же после революции, то какой смысл бороться с этим? В чем здесь опасность? В излишке веры? Он, кажется, никогда не вредил ни одному делу. Что вера горами двигает, это — не фраза, как не фраза и то, что в критические моменты (война, революция) часто только то дает победу, что хладнокровной мысли кажется невозможным. У нас как будто бы боятся энтузиастов, а между тем не они ли двигают прогрессом — и не только общественным, но и в науке, и в искусстве — везде?

Часто ссылаются на практичность, умелость, организованность и т.д. большевиков; возможно, что все эти качества у них и есть, но не они помогли им наложить на русскую революцию тот социальный отпечаток, к которому лишь немногие из действовавших партий стремились в 1917 году. В первое время после Октября, Ленин как-то сказал, что от декретного творчества не ждет практического осуществления: ему достаточно, что этим бросаются лозунги в массу. И он был глубоко прав: практической ценности декреты не могли иметь (жизнь так не строится), но провозглашенные принципы врезывались в умы и прокладывали дорогу будущему. Два приема существуют в общественной деятельности: ставить широкую цель, в рассчете, что чем шире она будет, тем большая доля желаемого осуществится, и — ставить цели, только заранее признанные достижимыми, чтобы завоеванное было прочно. Анархисты издавна избрали первый путь и отбросили все минимальные программы. Второй путь был путь социаль-демократических партий. Теперь, когда нам предлагают поставить себе целью «более осуществимые» требования переходного периода, нам вспоминаются старые споры по поводу програм — минимум. Но если тогда, в условиях мирного времени, мы не считали такие программы ни желательными, ни целесообразными, то неужели же теперь, после револю-

ции, мы откажемся от своего первородства? Переходный период был вчера, протекает и сейчас; чем будет он завтра,— будет зависеть от того, чем сделают его люди убежденные, люди верящие в свое дело.

Таковы главные пункты того пересмотра, который происходит в наших рядах. Они ничего не прибавляют нового к анархизму, не развивают, не совершенствуют его при свете новых фактов, но зато отнимают очень многое. Коротко говоря, у анархизма отнимается его *душа*. В самом деле: отрицая принцип «каждому по потребностям», вынимают из под него его экономическое основание, его коммунизм; сводя его *исключительно* на классовую борьбу, отнимают у него его философское мировоззрение; ограничивая его борьбою чисто-экономическою, затушевывают идею антигосударственности; приглашая бороться за переходный период, отнимают максимализм и вводят программу-минимум. А затем,— говорить ли о том стыде, который должен был бы испытывать каждый из нас при одной мысли, что он может когда-бы то ни было оправдать политические преследования идейных противников, хотя бы самых от,явленных контр-революционеров? И все это во имя целесообразности, практичности, блага революции! Что представляет собою такой «анархизм»? Одно слово, лишенное всякого содержания, или вернее с содержанием совершенно чуждым.

Конечно, признавать свои ошибки, менять свои взгляды — право каждого: но лучше и логичнее, убедившись в несостоятельности прежних идей, не стараться ввести контрабандою в прежнее миросозерцание то, что совершенно с ним не вяжется. Возможно, что среди наших русских товарищей создастся какое-нибудь новое направление; но, судя по тому, что намечается, это направление не будет анархизмом. И несомненно, рядом с ним останется и старый, цельный и последовательный анархизм, который будет, как и прежде, привлекать к себе умы и сердца.

М. Корн.

ДЕЛО «НАБАТА» *)

(К вопросу об организации наших сил).

В области «внутренних» задач нашего движения, так называемая «набатовская» организация анархистов на Украине, просуществовавшая и проработавшая в невероятно тяжелых условиях лишений и гонений с конца 1918 по 1921 г., выполнила три существенных дела:

1) она об,единила на дружной работе анархистов *различных направлений* (синдикалистов, коммунистов, индивидуалистов);

2) она придала этому об,единению известную *организационную форму*;

3) она наметила для этого об,единения некоторую *теоретическую основу*.

Последнее может показаться странным. Вопрос организационный — вопрос чисто-практический. Причем здесь теория? Так рассуждали и рассуждают многие товарищи. Еще и теперь нередко говорят: Мы допускаем и понимаем возможность *практического* об,единения анархистов на определенной работе. Но мы считаем вздорной идею о каком-то теоретическом об,единении различных направлений анархической мысли.

Инициаторы и члены «Набата» иначе понимали дело. И *именно здесь*,— думается мне,— их главная заслуга перед движением. *Именно здесь* лежит то живое зерно, которое рано или поздно даст плод, особенно в области наших организационных задач.

В отношении самой по себе *формы* организации, «набатовцы» не выдумали, конечно, ничего необыкновенного. Да и что можно «выдумать» в этой плоскости вопроса, кроме установления тех или иных обычных форм либо централизованной (партийного типа), либо децентрализованной (федеративного типа) организации? «Набат» остановился, разумеется, на федеративной форме (группы, федерации, конфедерация). Что придавало ему некоторое своеобразие по сравнению с другими анархистскими организациями в России и заграницей, это — стремление *сочетать федеративный принцип* (самостоятельность групп, федераций и др.) *с известными элементами более тесной и строгой спайки*. Сюда относятся:об,единение федераций и групп в одну общую Конфедерацию с ее секретариатом; сосредоточение в руках этого секретариата некоторых функций; кой-какие положения о внутренней товарищеской дисциплине; установление принципа коллективной ответственности товарищей и организаций; и, наконец,— главное: принятие известной общей принципиальной платформы. (См.1) «Декларация и резолюции» первой конференции анархистских организаций Украины «Набат», отд. VI: О внутренней организации анархистов; и 2) «Резолюции первого с,езда» Конфедерации анархистских организаций Украины «Набат», послед. часть: Решения первого с,езда, п.2, о выходе из конфедерации отдельных групп.— Обе брошюры изданы Рабочей Издат. Группой в Аргентине). Последний пункт —принятие общей принципиальной платформы — уже тесно связан с вопросом о некоторых теоретических основаниях об,единения.

Установление такого рода организации было, несомненно, значительным шагом вперед по сравнению с существовавшими до тех пор формами наших федеративных организаций. Устранялись многие, свойственные последним, недостатки.

Организация оказалась чрезвычайно активной и жизнеспособной. Ее влияние вышло далеко за пределы Украины. «Набат очень скоро стал перед задачей об,единения в своем лоне многих анархистских организаций Великороссии и Сибири. Лишь жестокое насиль-

*) Печатается в дискуссионном порядке.

ственное уничтожение Конфедерации правящей партией оборвало начатое дело.

Еще более значительным шагом, еще более интересным и поучительным явлением был факт об,единения «Набатом» анархистов различных направлений: «синдикалистов», «коммунистов», даже «индивидуалистов». Оказалось возможным ликвидировать междоусобицу и соединить в общей работе все живые силы анархизма, к какому бы направлению они ни принадлежали. В «набатовских» организациях дружно работали рука-обруку анархо-синдикалисты, анархисты коммунисты, (анти-синдикалисты) и многие ан.-индивидуалисты,— факт большого значения, впервые имевший место в истории анархического движения. И этот факт ближайшим образом связан с идеей известного *теоретического сближения различных направлений анархической мысли.*

Как я уже сказал, именно эта идея является, по-моему, *главной* заслугой «Набата». Именно она наиболее существенна, значительна, плодотворна.

Инициаторы «Набата» натолкнулись на эту мысль — на необходимость некоторого теоретического подхода к задаче об,единения анархического движения — с первых же шагов своей деятельности. После нескольких недель работы и выпуска нескольких номеров газеты («Набат»), инициативная группа товарищей поняла, что без такого подхода не удастся создать широкой, дружной, жизне=и работоспособной организации; что *организационный вопрос теснейшим образо связан с некоторыми основными теоретическими проблемами*; что *наш организационный вопрос есть, в известной мере, вопрос теоретический*; что *лишь разрешение некоторых теоретических проблем может привести к практическому разрешению нашей организационной задачи.*

С самого начала товарищам стало ясно, что анархисты не могут сойтись *практически* и *организационно*, главным образом, в силу их далеких *теоретических* расхождений. Отсюда становилась ясной и ближайшая задача: прежде всего, попытаться сыскать пути теоретического сближения.

Именно тогда некоторые из этих товарищей обратились ко мне с просьбой помочь им в этом отношении. Именно *этот* вопрос занимал центральное место на первой Конференции набатовских организаций в Курске. Его решение Курской Конференцией выразилось в краткой, принятой единагласно, «Декларации». (См. брошюру). Эта Декларация должна была послужить лишь сжатым первоначальным наброском общей об,единительной платформы. Конференция поручила мне тогда же разработать теоретическое обоснование такой платформы в отдельной обстоятельной брошюре. Дальнейшая судьба движения и беспрерывная практическая работа помешали мне выполнить эту задачу. Основные идеи об,единения остаются, к сожалению, до сих пор неразработанными.

Какова же сущность теоретического подхода «набатовцев» к задаче об,единения и организации анархистов?

Она может быть кратко формулирована следующим образом.

Теоретическое расхождение анархистов, мешающее им об,единиться и организоваться, имеет место по трем основным направлениям: анархо-синдикалистское, анархо-коммунистическое и анархо-индивидуалистское. — Вместо того, чтобы постоянно останавливаться на том, что их *раз,единяет*, и враждовать между собою, анархисты должны были бы заняться вопросом: 1) нет ли в каждом из этих течений ценных идей и элементов, которые позволили бы им *сблизиться*? и 2) настолько ли серьезны и глубоки разногласия, чтобы препятствовать единой организации и совместной работе?— Серьезный анализ разногласий приводит к заключению, что: 1) во всех течениях имеются здоровые, верные элементы, которые могут и должны быть сопоставлены и сближены; 2) некоторые разногласия основаны единственно на недостаточной продуманности тех или иных проблем; эти разногласия необходимо сообща обсудить исчерпывающим образом, и можно быть уверенным, что он и отпадут; и 3) разногласия, которые остались бы после такой работы, не настолько значительны, чтобы мешать об,единению и организации анархистов.

Эта именно работа была проделана начерно на курской конференции. Основные вытекающие из нее идеи были положены в основу курской Декларации и должны были быть подробно разработаны в предполагавшейся брошюре. Дальнейшие опыт «Набата» вполне подтвердил правильность и жизненность этих идей.

Однако, как это часто бывает — и как это предвидели деятели «Набата»— идеи эти были встречены враждебно в сектантски настроеных анархических кругах, не видящих дальше своей колокольни. За отсутствием серьезных аргументов, эти круги стали бросаться пустыми «словечками» или просто бранными эпитетами: «лоскутное одеяло», «карманное об,единение», «жалкий эклектизм» и т.п. Нашлись также охотники искажать сущность, позицию и деятельность «Набата».

Еще и теперь немало товрищей,— в особенности товарищей, находящихся за-границей и не переживших опыта русской революции,— считают возможным пренебрежительно отмахиваться от идеи об,единения анархических течений.

С другой стороны, многие анархисты до сих пор безуспешно бьются над проблемой об,единения, доходят в отчаянии до идеи «партии», продолжают искать решении организационного вопроса в «чисто-практической» области, сводят его к проблеме *формы* и не желают понять *главного нерва* вопроса — необходимости *хорошего теоретического анализа ряда раз,единяющих (и об,единяющих) нас положений*; не желают понять, что только такая предварительная теоретическая работа сможет на деле приблизить нас к организации наших живых сил.

Поразительно ленива людская мысль! Годами, десятилетиями сокрушаются анархисты всех течений о своей неорганизованности, распыленности, взаимной отчужденности, и — остаются, каждый, при своей унести, И не хотят сделать решительного, серьезного шага в направлении об,единения и организации. А между тем, от этого шага зависит ближайшая судьба движения.

Для меня лично настолько ясна необходимость этого шага, что если,— скажут мне,— здесь *нет* простой умственной *лени* и духовной *дряблости*, то я откажусь верить в *искренность* товарищей, отказывающихся и отругивающихся от задачи. Они *не хотят* об,единения движения и лицемерно жалуются на разбросанность анархистов. По тем или иным причинам, им эта разбросанность на-руку.

Товарищи же, искренно и глубоко болеющие слабостями нашего движения, должны, наконец, «взять быка за рога» и подойти к вопросу с серьезной, хотя и трудной, стороны.

Мое мнение по нашему организационному вопросу определенно:

Напрасны сейчас искания *формы* организации и гадания о том, *партию* или *не партию* мы должны строит. Дело тут, прежде всего, не в форме, а в теоретическом подходе. Надо взяться за пересмотр основных идей, приводящих различные течения анархизма к взаимной вражде и распре. До тех пор, пока мы не начнем серьезно и дружно искать возможности теоретического сближения различных течений анархической мысли,— сближения, которое, на мой взгляд, вполне назрело,— все разговоры об организации анархистов останутся разговорами.

Вопрос организации — вопрос практический; но подойти к нему надо, прежде всего, с теоретической стороны. Лишь покончив с нею, можно будет плодотворно заняться конкретными формами организации.

Формы эти могут, мне думается, быть в своих деталях довольно различными, в зависимости от местных и иных условий. Основной же принцип организации должен быть, по-моему, тот же, какой был прин,ят «набатом»: сочетание федеративного начала с некоторыми элементами свободной,— естественной, технической централизации, то-есть связности (не будем бояться слов), свободной товарищеской дисциплины и коллективной ответственности.

Волин.

О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДИСЦИПЛИНЕ

Мне задали товарищи вопрос: как я понимаю революционную дисциплину?

Под революционной дисциплиной я понимаю самодисциплину личностей, устанавливающую в действующем коллективе одинаковую, строго продуманную и ответственную линию поведения для членов коллектива, приводящую к точной согласованности, как действия, так и мысли их.

Без дисциплины в организации, как авангарде Революции, немыслимо серьезное дело революции. Без дисциплины авангард революции не может быть таковым; ибо, находясь в разбродном дезорганизованном состоянии, он бессилен формулировать задачи дня, чего от него, как инициатора, потребуют массы.

Эти положения я основываю на наблюдении и опыте. Предпосылки их следующие:

Русская революция в своем проявлении несла много положений чисто анархических. И если бы анархисты были тесным образом организованы и в своих действиях придерживались определенной дициплины, они не понесли бы такого глубокого поражения в ней, какое имелось в действительности.

Но потому, что анархисты всех «толков и направлений» не представляли из себя, даже в своих фракционных группировках, определенного законченного в своей целости дисциплинированного действующего коллектива, они не выдержали пред,явленного революционной обстановкой политического и стратегического экзамена. Их дезорганизованность, приведшая к политическому бессилию, породила две категории анархистов:

Одна категория — это те, кто бросился на систематические захваты буржуазных домов, особняков, в которых поселялись и жили во благо свое. Это с другой стороны те «анархисты-гастролеры», которые переезжают из города в город, в надежде всегда на своем пути найти ночлежку — дом безделия — и жить в нем по мере их желания.

Другая категория — это те, кто порвали всякую честную связь с анархизмом (хотя за границами русской революции некоторые из них и по сию пору числятся чуть не вождями русского анархизма) и бросились на должностные места большевиков даже тогда, когда анархисты, сохранившие себя на своем посту и заклеймившие позор большевиков в Революции, за этот свой честный акт революционеров, расстреливались большевиками.

Из выше приведенного прискорбного факта становится совершенно понятным, почему я не могу быть равнодушным к существующему сейчас в анархических рядах разгильдяйству. Оно мешает им создать коллектив, перед которым бы люди, хватающиеся за анархизм ради фразы, люди, давно похоронившие себя для дела анархизма, или люди, лишь болтающие об анархизме, о его целости и действиях против врага, а когда доходит до дела, бегущие от этой целости, представились бы в истинном виде и ушли бы на подобающее им место. Вот почему я говорю об анархической организации, основанной на началах товарищеской дисциплины.

Такая организация приведет к необходимой согласованности все живые силы анархизма страны, и она же поможет анархистам занять свое должное место в великой борьбе труда с капиталом.

От этого идеи анархизма в массах только выиграют, а не пострадают. Бежать от такой организованности может только безответственный, пустой болтун, до сих пор занимавший в наших рядах по нашей же вине чуть не первое место.

Ответственность и дисциплина революционера не должны пугать. Они его спутники во всех делах рабочего анархизма.

Н. Махно.

ЗАДАЧИ РУССКИХ АНАРХИСТОВ В АМЕРИКЕ

Если присмотреться к русскому анархическому движению в Америке за последние 10-15 лет, то нельзя не прийти к заключению, что — с одной стороны — наше безвластническое движение страдало некоторыми недостатками, например, отсутствием хороших интеллигентных работников, дрязгами и спорами на личной почве, а с другой — наше движение всегда было направлено в сторону организации и об,единения наших сил для успешного ведения анархической пропаганды среди русских эмигрантов. К этому именно стремились все прежние русские радикальные организации в Сев.Америке, как, напр., «Русские Прогрессивные Кружки», «Союзы Русских Рабочих» и в последние годы, «Анархические Группы». Да и все наши прежние издания, как «Голос Труда», «Рабочая Мысль», «Хлеб и Воля», «Американские Известия», «Волна», «Буревестник», «Анархический Вестник», несмотря на свои различные позиции и отношения ко многим организационным, теоретическим и тактическим вопросам, все же преследовали одну общую цель: об,единение русских анархических сил на почве служения анархическому движению и идеалу. И русское анархическое движение в Америке, таким образом, шло всегда по пути об,единения своих сил вокруг одной платформы, одного идеала — анархизма.

Но благодаря какой-то духовной реакции, вкравшейся в наши собственные ряды, мы в настоящее время разбросаны, раз,единены и лишены одного из лучших наших средств и защитников — органа или журнала, вокруг которого мы смогли бы группироваться и об,единять свои силы. Правда, у нас издается ежедневная газета «Рассвет», издаются также ежемесячные журналы, как «Зарница» и «Голос Труженика», а из Парижа присылается анархический орган «Дело Труда», но все эти издания, тем не менее, не могут нас удовлетворить, ибо они, за исключением разве «Дела Труда», совсем не отвечают ни нашим идейным и духовным стремлениям, ни нашим местным интересам и задачам. «Рассвет», хотя и считает себя духовным детищем «Американских Известий», но он почему-то совсем не похож на своих родителей. Ибо, как бы узкими и сухими не были иногда «Американ. Известия», они все-таки были органом более или менее определенного анархического направления. Но о «Рассвете» этого нельзя сказать: «Рассвет» — газета любого направления, но только не анархического! Рабочая газета «Рассвет» не ставит себе никакой определенной анархической задачи — об,единения наших сил или служения анархическому идеалу. Эта газета стремится только к одной работе — культурно-просветительной, забывая, что одной этой работы недостаточно для рабочих, недостаточно для анархистов, тем более, что русские анархисты в Америке уже прошли, так сказать, подготовительную школу анархизма и в настоящее время, более чем когда-либо, нуждаются в хорошем и серьезном анархическом органе. Анархическая газета должна преследовать двоякого рода задачу: быть органом анархического движения и вести культурную работу. Выполняя с трудом эту вторую задачу, «Рассвет» совсем не выполняет первой и, по моему мнению, самой главной и важной задачи, а, наоборот, стремится к об,единению враждебных сил в русской колонии, желая быть общеколониальной газетой. Но, не преследуя никакой определенной анархической задачи, «Рассвет», таким образом, является газетой не беспартийной и вовсе не общеколониальной, ибо даже для равномерстной общеколониальной газеты требуется ясное и определенное направление. И потому, «Рассвет» своей культур-трегерской работой, направленной — сознательно или несознательно — на усыпление революционного и анархического сознания русских рабочих, никоим образом не может считаться анархической газетой и не может также, на этом основании, удовлетворить когобы из искренних русских анархистов.

Что касается журналов «Зарница» и «Голос Труженика», то первый из них очень похож на «Рассвет», ибо в своей работе придерживается той же линии и того же направления, что и последний, с той лишь разницей, что «Рассвет» выходит ежедневно, а «Зарница» ежемесячно,— а второй неприемлем для нас, вследствие его узкой догматической программы — партийного синдикализма. «Дело Труда» же, хотя и анархический орган, но оно недостаточно для нас и для нашего движения в Америке. Нам нужен, главным образом, анархический журнал, который издавался бы на месте, в Америке, и обслуживал задачи и интересы нашего местного анархического движения.

Как ни прискорбно, но надо отметить, что положение русских анархистов в Америке теперь таково, что они совсем не ведут анархической работы. Силы наши рассбросаны, рассеяны, групп нет, а если где-нибудь еще и есть анархическая группа, то она, благодаря своей бездеятельности, влачит жалкое существование. Своего анархического органа мы не имеем, связей с Россией, с тамошним движением мы не поддерживаем, от местного, американского анархического движения мы оторваны. Словом, положение наше совсем незавидное.

Что же делать ? Что надо сделать для того, чтобы оздоровить и укрепить наше движение в Америке?

Для того, чтобы восстановить опять нашу прерванную работу, необходимо предпринять некоторые важные шаги, необходимо предпринять и выполнить следующие четыре задачи. Во-первых, надо наладить связи с товарищами, оставшимися верными анархическому идеалу; надо также наладить связи с некоторыми еще существующими группами или организациями. Это можно сделать или посредством переписки или, еще лучше, если средства и обстоятельства позволят, посредством посылки одного товарища в те места, в те группы, которые больше всего нуждаются в нашей пропаганде. Во-вторых, необходимо употребить все усилия для того, чтобы в ближайшем будущем приступить к изданию периодического анархического журнала. Надо раз навсегда запомнить, что наше безвластническое движение в Америке будет пользоваться успехом только в том случае,

если у нас будет свой духовный и идейный орган, который обслуживал бы наши интересы и задачи и вокруг которого мы смогли бы группироваться и об,единять свои силы.

Но одновременно с выполнением этих двух главных и важных для нас задач, необходимо еще выполнение и других двух, не менее важных для нас задач.

Третья наша задача, это — связь с Россией и помощь тамошнему анархическому движению. Мы знаем, понятно, что анархическое движение в России разбито (но не убито окончательно, не разрушено в корне), но из доходящих до нас сведений, мы также знаем, что там еще остались товарищи и некоторые группы, старающиеся посильно восстановить и наладить прерванную работу. Выполнение этой задачи, — дело нелегкое, но надо приложить все старания и во что бы то ни стало наладить связи с Россией и тем самым помочь нашим товарищам на родине. И четвертая наша задача — связь с американским анархическим движением. Как ни звучит странно, но, живя в Америке, мы не имеем связей с американскими анархистами и совершенно не знакомы с их работой. И это в то время, когда анархизм в Америке начинает распространяться также и на английском языке — среди рабочих и некоторой части интеллигенции. Этому несомненно радостному явлению мы обязаны, главным образом, группе американских анархистов «Road to Freedom» (Путь к Свободе»), издающей свой ежемесячный анархический журнал под тем же названием. Надо заметить, что за последние несколько лет, с постепенным разочарованием рабочих во властнических социалистических иллюзиях вообще и установлением «социалистического рая» в России в особенности, анархические идеи начинают приобретать все больше и больше сторонников, и анархическое движение в Америке, например, начинает понемногу усиливаться, завоевывая симпатии рабочей массы. И поэтому, мы, русские анархисты, как часть интернационального анархического движения, должны всеми силами поддерживать наших американских товарищей в начатой ими полезной работе.

Весьма понятно, что эти помеченные задачи могут решаться только нашими общими усилиями на конференции. Поэтому, я считаю, что самым ближайшим и неотложным для нас вопросом в настоящий момент является *созыв анархической конференции*.

Итак, значит, перед нами четыре задачи: *об,единение наших сил, издание анархического журнала, связь с Россией* и *связь с американским анархическим движением*. На эти задачи нам следует обратить самое усиленное и серьезное внимание, и чем скорее мы выполним их, тем лучше будет для нас и для всего нашего анархического движения в Америке.

Л. Липоткин.

ВОЙНА

(*Окончание*)

Мы считаем, что из создавшегося положения выход можно и нужно найти. Но прежде, чем говорить о нем, весьма полезно будет выяснить какой выход из этого круга предлагают прожужжавшие всем уши о своем пацифизме социалисты. Их политика в этом вопросе заслуживает того, чтобы на ней подолгу и исчерпывающе остановиться, но мы здесь ограничимся только освещением основной, преобладающей линии поведения социалистических партий различных стран. Задачу эту значительно облегчают нам отчет и резолюции Марсельского конгресса Соц. Интерн. На конгрессе присутствовало свыше 400 делегатов, представлявших 40 социалист. партий 31-ой страны. Много красивых фраз было сказано там по вопросу о «социалист. политике мира». Почти все делегаты сходились на мнении, что опасность войны велика, что «в борьбе с войной хороши все средства», что «основная задача Интернационала — разоружение»; много горьких истин было высказано там и о ненадежности буржуазных договоров, являющихся часто «клочками негодной бумаги (Бауэр)», и об «опасностях, которые таят в себе подобные договоры (Блюм)», и о «пагубной роли мирных договоров (Турати)», — но доминирующим осталось мнение большинства делегатов о том, что в основе «международной социалистической политики мира» надо положить продолжение борьбы за Женевский протокол», стремление к равноправности договаривающихся сторон и вовлечению в Лигу Наций не входящих еще в нее государств, т.е., что, все-таки, следует начать с договоров... Здесь, именно, и обнаруживается то лицемерие и та двойственная дипломатическая игра, которые так присущи, как буржуазным, так и социалистическим дипломатам. «Рабочий класс», — говорится в одной из резолюций — «знает, что военная опасность увеличивается благодаря мирным договорам», но — указывается в другой резолюции — он должен «продолжать свою борьбу за Женевский протокол и следить за справедливостью гарантийных договоров»... Вот все, что представители сорока социалист. партий предлагают для борьбы с войной. Им, конечно, ничего не стоило приветствовать датскую, голландскую, шведскую и норвежскую партии за их старания в пользу разоружения, или сокращения вооружений в их странах (которые, кстати сказать, руководились не столько требованиями миролюбия, сколько соображениями о невыгодности и бесполезности содержания таких армий, которые — ввиду своей малочисленности, — в случае войны, все равно не сумели бы противопоставиться — численно и по вооружению — более мощным армиям их соседей). Но в то же время никто не протестовал против предательской политики социалист. партии, которая устами Блюма, столь красноречиво распинавшегося на

конгрессе за мир и номирение, не так давно перед этим заявил во французском парламенте, что она не голосует за военные кредиты не оттого, что она против ведения войны в Марокко, а оттого, что этого требуют от нее ее «старые, дорогие, священные традиции»... Ни у кого там не сорвались слова негодования по поводу требования болгарской делегации «позволить Болгарии создать себе наборную армию», или против польской социалистической партии, голосовавшей в сейме *за* военные кредиты на том, мол , основании, что Польша окружена врагами и нападателями...

Конгресс дал здесь полное отражение тех узко-националистических настроений, которые господствуют во всех социалист. партиях мира. Достаточно вспомнить, напр., что ради сохранения «национального престижа» и «национальной чести» *своей* страны почти каждая социалист. партия готова отступиться не только от своих «священных традиций», но и от самых основных принципов, чтобы понять насколько существенны гарантии социалистического «миролюбия», столь торжественно провозглашаемых в их декларациях и резолюциях. В среде самих социалистов слышатся порой тревожные предостережения против этих, чреватых — как уже по опыту известно — весьма дурными последствиями, национал-патриотических уклонов. К сожалению, такие предостережения еще довольно редки и незначительны в сравнении с той преступной безответственностью, с какой политиканствующие вожди социалистич. партий толкают свои миллионные социалистические массы в об,ятия нового мирового пожара.

* * *

Не более искренней является также и антимилитаристическая пропаганда коммунистических партий. Как и социалисты, они в предчувствии обильного урожая в интересах своих узкопартийных,— а подчас и личных достижений — направили все свое «революционное жало» против войны и милитаризма. Но самый дух этого «антимилитаризма» не внушает к себе доверия. Уже одно то, что коммунистические партии сами не свободны — как это можно видеть на примерах русских большевиков — от сильной империалистической закваски и завоевательных стремлений; уже один тот факт, что большевики — духовные отцы других коммунист. партий — готовы и с дьяволом побрататься, лишь бы добиться укрепления своей власти и что отношения их с империалистической буржуазией становятся все более и более тесными,— ясно говорит о том, насколько глубоко проникнуты духом антимилитаризма коммунистические заправилы мира.

Для последних антимилитарист. пропаганда есть только лишь средство завладения массами, чтобы при их помощи осуществить свои заветные желания, не совсем чуждые как думается нам — духа военщины и милитаризма. Обстоятельство это чувствуется и учитывается, если не всеми уверившими в спасительное свойство «большевизма» трудящимися, то наиболее зрячими и мыслящими из них. А это — парализует и убивает всякое волевое устремление масс в их борьбе против организованного врага. Не следует,поэтому, тешить себя надеждой, что для предотвращения войны достаточны писаные резолюции и заклинания. Трудящиеся знают и более верные средства. За сотни и тысячи лет неравной борьбы с организованным насилием трудовые массы не раз уж прибегали к методам прямого и открытого действия: к стачке, бойкоту, бунту, революции... И если все жертвы, понесенные в этой борьбе, не всегда давали успешных результатов, то причиной тому, конечно, не непригодность средств, а отсутствие того духовного, психологического *сдвига в умах*, предшествование которого необходимо для успешного завершения борьбы. С отсутствием вот такого сдвига даже теперь,— после ужасов последней войны, — нам приходится считаться.

Массы еще не достаточно прониклись духом отвращения к войне и всему военному. Слишком сильно еще в них преклонение пред отечественными «героями», чтобы можно было, как это делают многие антимилитаристы, успокоиться на том, что, мол, «народы не хотят войны»... *Никогда* народы не желали войны. Тем не менее, они *всегда* покорно шли на войну, истребляли друг друга и т.д. Никто не хочет, оставив родных и друзей, пойти убивать ни в чем — как и он сам — не повинных людей, да и самому погибнуть, во имя чуждых и неведомых ему целей... Каждый человек в отдельности — враг войны. Но если всех этих людей — «врагов войны» — собрать в компактные массы и изо дня в день — со школьной скамьи до казармы — учить их, что они — не просто люди, а такая-то и такая-то нация; если им постоянно внушать, что они — не просто сыновья своих отцов и матерей, а «сыны своего отечества»; если им все время долбить, что то, что они делают на войне не есть убийство, а есть акт защиты «их родины»; если без устали развивать пред ними принципы господствующей морали, согласно которой человек, отказывающийся итти на войну убивать людей, преследуется как преступник, а человек, на совести которого лежат десятки тысяч замученных, изнасилованных и убитых людей, об,является «народным героем», получает награды, почести и т.д.— то от вражды всех «врагов войны» ничего не остается...

Покуда мы на каждом шагу попадаем в тщательно замаскированные сети оффициальной Науки, Церкви, Государства и иных учреждений господствующего насилия, где мы вынуждены убивать и грабить во имя их регламентированной «нравственности» — до тех пор война неизбежна. Покуда «народами» поддерживается существующий порядок вещей, весь смысл которого и заключается в грабеже и насилии,— будут существовать и войны. Обольщаться, следовательно, надеждами на счет невозможности возникновения войн только лишь в силу нежелания «народов» воевать — по меньшей мере наивно. Мы должны отбросить от себя всякие иллюзии о возможности их прекращения в условиях современного строя.

Война — это порождение Капитала и Власти. Только уничтожив последние, мы навсегда покончим и с войной. Потому, вероятно, антимилитарист. пропаганда *властнических* коммунист. партий не может иметь дости-

ного успеха, что усилия их направлены не в сторону главного зла, не в сторону *корней* войны. Ведь с прекращением буржуазно-империалистических войн еще не прекращается война, как таковая, поскольку народы переходят только из одного рабского состояния в другое, поскольку массы продолжают повиноваться чужой воле и выполнять чужие задания. Все власти, все правительства — агрессивны по своей натуре. Всех их охватывают завоевательные вожделения в большей, или меньшей степени,— в зависимости от величины подчиненной им силы. Да и самый факт обладания последней подбивает их на военные авантюры. Мы указали уже, что одним из способов вызывания войн является тайная. закулисная игра международной дипломатии. «Народы» это знают и и ненавидят ее так же как и войну. Этим обстоятельством когда-то воспользовались большевики и, для пущего вовлечения «народа» в свои тенета, об.явились против тайной дипломатии.. И что-же? Разве они не развили теперь широкой сети дипломатов, тайных агентов и негласных представителей, договаривающихся со своими собратьями по профессии из других стран *от имени пославших их «народов»*? Разве они не наравне с другими — буржуазными и фашистскими — правительствами торгуют шкурой *своего народа*? И не будет ли после этого преступным легкомыслием полагаться на их искренность в деле ведения антимилитарист. пропаганды?.. Двух мнений на этот счет у нас быть не может. Политика «большевиков» внутри России и за пределами ее обещает что угодно, только не мир. И трудовым массам, в их борьбе за мир, придется устремить свои силы не только против буржуазно-реакционных правительств Европы и Америки, но и против «социалистической» и «рабоче-крестьянской» власти в России.

Какие-же, собственно, средства можем *мы* предложить трудовым массам для борьбы с войной? Они, конечно, не новы. Выше мы указали, что единственным и самым верным средством является уничтожение Государственно-капиталистического строя со всеми его аттрибутами. Но ведь... «улита едет — когда-то будет »!.. Что-же делать теперь-то? Об этом мы неоднократно говорили уже.

Необходимо, прежде всего, чтобы каждый сознательный трудящийся *отказался быть солдатом*, под каким бы видом от него это ни требовали. *Личному, индивидуальному примеру* передовых и сознательных противников войны начнут, несомненно, подражать и более широкие и многочисленные слои трудового народа и отказ от воинской повинности станет *массовым явлением*. Нас не должны пугать карательные меры властей: в сравнении с ужасами братоубийственной войны они — меньшее зло.

Необходимо широко проповедывать среди рабочих идеи братской солидарности, призывая их *не участвовать*, как в изготовлении военной амуниции и др. орудий войны, так и в их перевозке.

Необходимо отказаться от внесения каких-бы то ни было *налогов*, большая часть которых идет на содержание армий и ведение войн. Необходимо неустанно разоблачать деятельность парламентов, усилия которых направлены на оправдание и санкционирование правительственных преступлений,— в том числе и войны. Необходимо резко отмежеваться от профессиональных краснобаев в этих говорильнях и перенести всю силу борьбы в *низы*, в среду работников сохи и молота, в казармы,— ибо *там*, и не в парламентах будет положен конец войне. Необходимо культивировать в подростающем поколении не авантюризм, не преклонение пред «отечественными героями», а отвращение и презрение ко всему культу войны и милитаризма. Учащейся и рабочей молодежи должны быть указаны иные пути чем те, по которым ведут их строго централизованные и патриотические спортивно-туристические организации, служащие, не более, не менее, как местом допризывной подготовки. Необходимо *их* вовлечь в борьбу, ибо это на *их жизнях* строятся планы будущих войн...

Можно было бы еще много говорить о средствах борьбы, которыми располагают противники войны, но нам хотелось бы указать на одно условие, вне которого, по нашему убеждению, всякое выступление осуждено на неуспех. Не следует полагаться только на *словесную пропаганду*.

Борьба должна быть *действенной и организованной*. Необходимо, чтобы над этими вопросами задумались люди, входящие в экономические и иные трудовые организации, и добились бы по ним *определенных решений*, как они добиваются их при обсуждении других вопросов. Пусть вопрос об опасностях войны станет насущнейшим вопросом дня для каждой трудовой организации для каждого синдиката, для каждого об.единения людей, заинтересованных в неповторении войн. И пусть будут вынесены решения, которые не страдали бы двусмысленностью пред лицом надвигающейся опасности. «Но» — скажут нам — «все эти меры — т.е., стачка, бойкот и т.д. — суть ничто иное, как начало ниспровержения всего существующего строя... Это — начало социального потрясения, революции, быть-может?..»

Нам остается это только подтвердить.

Да будет! Иного пути нет!..

Г. С.

РОССИЯ

ПИСЬМО ИЗ МОСКВЫ *

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ АНАРХИСТОВ

Дорогой тов.

Я знал, что благодаря существующему в Париже «Комитету Защиты заключенных в России Революционеров», вы хорошо знакомы с жестокими преследованиями анархистов в России. Но я не думаю, чтобы вы также хорошо знали *основную причину* этих преследований. Поэтому я счел нужным обратиться к одному видному «советскому» анархисту, чтобы узнать, какие *по его мнению* мотивы побуждают большевиков преследовать анархистов. Я знал, что этот товарищ считает для себя возможным работать с большевиками и имеет возможность встречаться с членами советского правительства. Я знал также, что этот товарищ питался уже несколько лет утопической надеждой «помирить» анархистов с большевиками для совместной борьбы против мировой реакции и пытался доказывать в своих статьях и сношениях с большевиками необходимость дать амнистию анархистам и прекратить дальнейшее их преследования. Интересно было узнать каков ответ ему дали большевики на неустанные его в этом отношении старания.

ПАТОЛОГИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ

Вот что мне ответил этот товарищ, известный как лидер «советских» анархистов, качая печально головой.

— Нет, товарищ, теперь я уже не питаю никаких иллюзий насчет отношений анархистов с коммунистами. Все мои усилия не привели ни к чему и в моей работе как «примирителя» одних с другими, которая вызвала против меня ожесточенные нападки заграничных и русских анархистов, я натыкался на такие препятствия, что я мог ее считать [illegible].

Расскажу вам интересный случай.

По просьбе одного [illegible] болгарского коммуниста [illegible], хорошо понимавшего необходимость объединения анархистов и коммунистов в такой фашистской стране как Болгария, я написал доклад III-ему Интернационалу. Доклад этот был опубликован группой московских товарищей. Суть его сводилась к следующему:

«Прежде всего освободить всех заключенных и сосланных анархистов, а потом, может быть, проводимая против вас кампания заграницей приостановится или же немного уменьшится. Но совершенно невозможно теперь, *перед полной амнистией*, которая дала бы возможность анархистам работать для реализации своего идеала, требовать, чтобы анархисты или революционные синдикалисты одобрили вашу тактику задушения анархического движения в России. Если вы будете продолжать вести тактику преследования анархистов, то вы рискуете потерять всякий престиж заграницей».

В продолжении двух месяцев я не получал ответа. Я знал только, что мой доклад был переведен на несколько европейских языков. Наконец, я был приглашен притти в Исполком III-го Интернационала, к венгерскому коммунисту Ракочи, который, кажется, считается «спецом» по делам революционного движения во Франции. Это он подал, говорят, русским коммунистам идею исключить Суварина, Росмера и Монатто из Компартии. Он мне предварительно заявил, что ему поручено вести со мной «переговоры». Потом последовало очень короткое, но ясное заявление. Он выразил свое удивление по поводу «удивительного факта, что в России еще есть живые анархисты», но видя меня анархиста живого перед собой, он немного «поправился».

— Да, я очень удивлен тем, что есть еще в Москве анархисты, не находящиеся в заключении!

И он вкратце сформулировал свою теорию:

[illegible] что [illegible] [illegible] [illegible] стов, могут привести [illegible] в России, а это может быть [illegible] революции. Только беспрестанный террор может [illegible] революцию. Нужно задушить всех анархистов [illegible] других политических противников Компартии [illegible] необходим для того, чтобы заставить [illegible] и т. д.

Я старался об'яснить «товарищу» [illegible] док венгерской революции повлияли [illegible] гие причины: отсутствие связи между [illegible] янами и другое, о чем знает [illegible] чик в России. Но Ракочи не [illegible] катывая свои сумасшедшие [illegible] но придушить анархистов»... Он [illegible] следующей тирадой: «Конечно, [illegible] мут окончательную ре[illegible] Я не знаю, имею ли я [illegible] товарищей, но я пост[illegible] *против вас*, против [illegible] анархистов».

[illegible] Ракочи, тип [illegible] большое влияние [illegible]

[illegible]

[illegible]

* Настоящее письмо написано находившимся в Москве французским анархистом для «Libertaire», органа фр. анархистов.

ний анархистов. Тот же самый «советский» анархист сообщил мне, как один из «виднейших» коммунистов сказал ему, что русские большевики не чувствуют пока необходимости примирения с анархистами. Он ему дал понять, что в момент отступления перед мировой буржуазией анархисты могут только принести вред коммунистам, подорвав доверие капиталистов к Нэпу. Один из московских коммунистических чиновников заявил нашему товарищу, что группа московских рабочих анархистов выслана из Москвы за «борьбу со спецами» на одной фабрике, протестуя главным образом против чрезмерно высокой зарплаты «спецов».

ФРАНЦУЗСКИЕ КОММУНИСТЫ И ГОНЕНИЯ НА АНАРХИСТОВ

Я должен вам сказать откровенно, что редакция «Либертэра» не всегда справедлива по отношению к французским коммунистам в этом вопросе, или правильнее говоря, она справедлива только по отношению к части их.

В то время, как предатель синдикализма Гастон Монмуссо откровенно заявил в Москве (1923 г.) нашим товарищам, что гонения на анархистов его не касаются, в то время, как его товарищи Альберт Грен, Камен и другие выскочки революции повторяют то же самое и даже готовы похвалить совправительство за эту глупую политику по отношению к анархистам, в то самое время неоднократно некоторые французские коммунисты негодовали по поводу этой политики и усиленно старались сделать что-нибудь для анархистов. Они старались убедить своих московских начальников, что гонения на анархистов в России много вредит работе коммунистов в Париже, что [illegible] лишь питают антисоветскую компанию «Либертэра» и т. д. Одна молодая французская коммунистка, находящаяся в «бюро» Коминтерна в Москве, даже издала и распространила воззвания к французским товарищам, упрекая их в том, что почти каждый приезжающий в Москву французский коммунист начинает свою работу с компании в пользу анархистов» и т. д. Я не могу вам назвать по вполне понятным причинам тех французских коммунистов, которые старались освободить Барона, Рубинчика, Лазаревича и др. Если бы я их назвал, их постигла бы в лучшем случае судьба Бориса Суварина, Росмера или Молатто. Достаточно сказать, что их просьбы и протесты были всегда безрезультатны, ибо их московское начальство издевалось над их «ультиматумами» и обходилось с ними, как со своими лакеями.

РОЛЬ АНДРЭ МАРТИ

[illegible] должен упомянуть здесь об Андрэ Марти, являющем[illegible] своего рода кумиром для русс. и франц. большеви[illegible]. Его мировая известность не позволила бы москов[illegible] [illegible]шефам наказывать его с излишней суровостью. [illegible] должен признать, что с первого же дня своего [illegible]ия в Москве, он заявил, что интересуется судь[illegible] [illegible] анархистов. Он заявил кроме этого, [illegible] был сторонником террора против правых (с.-р. и меньшевиков), но *противником* преследования левых, т. е. анархистов. Притом один факт сделал из Марти горячего сторонника *защиты* заключенных анархистов. Во первых, он не мог поверить, что украинские анархисты А. Барон и Иван Чарин *были сосланы на север после получения полной амнистии от Украинского ВЦК*. Он даже ходил к великим «юристам» Курскому, Паспаньяну (прокурор Чеки), чтобы в этом удостовериться. *Он получил подтверждающий циничный ответ.* Он потом рассказывал, что *его ругали и оскорбляли за его защиту анархистов*. Марти даже принял участие в одном собрании анархистов и к концу собрания он произнес со вздохом: здешние (т. е. русские) анархисты куда лучше наших (т. е. французских). Он признал, что анархисты безусловно отданы делу революции и что следует сделать все возможное, чтобы улучшить положение анархистов в России. Но он кончил совсем иначе. После он стал верным послушником Зиновьева. Перед своим от'ездом он открыто заявил, что *боится* начинать кампанию, «ибо не увидит больше Франции». Но вот он уже давно во Франции. Перед от'ездом все в Москве у[illegible]дились, что это простой лгун и товарищи зря т[illegible] время, информируя его о русском анархическом дв[illegible]жении. В своих письмах, опубликованных в больш[illegible] [illegible]стких газетах, он хвалит все большевистское и ни с[illegible]вом не упоминает о преследованиях наших [illegible]. Поэтому мы должны поставить следующие [illegible]:

1) Правда ли, что он признал несправедливой [illegible]тику преследований анархистов?

2) Обещал ли он их защиту?

3) Если он стал трусом и не сдержал своего обещ[illegible], то почему он опубликовал свои верноподданные пис[illegible] Зиновьеву, ни слова не упоминая о преследованиях [illegible] и их товарищей? Признает ли он, что заявил в Моск[illegible], что боится террора русского правительства? Ответ Мар[illegible] нам покажет что еще осталось *человеческого*, от «чер[illegible]номорского» героя, *освобожденного* в большой ст[illegible] благодаря усилиям Либертэра и всех парижских [illegible]хистов.

ПОЧЕМУ ОНИ БОЯТСЯ АНАРХИСТОВ.

Потому что, как это открыто [illegible] предводители большевизма — народ [illegible] больше и больше свое недовольство поли[illegible] и что он может найти единственный выход [illegible] в *анархическом* движении, ибо меньше[illegible] политически дискредитировали себя [illegible] потому что большевистским [illegible] представить анархистов в глазах [illegible] контр-революционеров [illegible] цессии кулакам, [illegible] кодекса, все это только [illegible] стов в революционных м[illegible] анархистов. Вот почему [illegible] власти анархисты становят[illegible]

[illegible] Санфро

ПИСЬМО ИЗ ССЫЛКИ

Дорогие друзья! Получаю ваши письма. Спасибо, что находите время для нас и не забываете поделиться с нами вашими радостями и горестями. Они и наши, кровно наши. Если будете продолжать писать в таком виде и дальше, то через некоторое время мы будем знать, как ваша группа относится к ряду вопросов. Дискутируемые вами в настоящее время вопросы не меньше занимают и нас всех здесь.

Разница лишь в том, что вы имеете возможность собраться, списаться, сговориться и решить, а мы — не тут то было.

Вопрос переходного периода занимает у нас большое место, но не меньшее место занимает и целый ряд организационных вопросов. Есть большие защитники необходимости партии. Я понимаю это, как реакцию против той дезорганизованности, которая существовала до сих пор среди многих и многих анархистов.

Не обижайтесь, что не получаете от нас удовлетворительных писем. Расписываться и подробно излагать своего мнения по многим основным вопросам не стану до тех пор, пока мы не сможем свободно обсудить и изложить их раньше всего здесь в России.

Я не согласна с вами в том, что этой возможности не будет у нас здесь в ближайшие годы. Я склонна думать, что в ближайшем будущем нам будет дана возможность теоретического изложения наших взглядов. Это ведь фактически все, чем нам можно было бы удовлетвориться теперь.

Сообщите, каково влияние нашего течения на рабочее движение Франции и других стран. С настроением европейского рабочего движения в прошлом я знакома, но за последние годы произошли колоссальные изменения, и мне очень хотелось бы знать, как это отразилось на теперешнем положении и характере европейского рабочего движения.

10 дол., посланных вами для заключенных, получены, *но это—как капля в море. Наши заключенные товарищи просят обуви и теплого белья, но нет ни гроша. Получаем письма из Архангельска, Ташкента и других мест ссылки и заключения. Везде наши товарищи очень нуждаются. Позаботьтесь о помощи им.*

Елена.

ЧИЛИ

Злодеяния чилийской власти.

По сведениям из Чили, чилийское правительство совершило страшное преступлениее по отношению бастующих рабочих. 2000 пролетариев пали жертвами этого преступления.

4 и 5 июня бастующие шахтеры устроили демонстрации в Икуикуэ. Правительство выслало против бастующих вооруженные армейские отряды, которые открыли по рабочим огонь. От стрельбы пало 1500 мертвых, среди которых много женщин и детей. Но эти жертвы казались правительству недостаточными. 600 рабочих было арестовано и посажено на военный корабль «О.Гинин», который выехал с арестованными в открытое море. Все арестованные были брошены в море.

Рабочие организации преследуются; их помещения закрывает полиция. Об,явлено осадное положение и введена военная цензура.

Бюллетень М.Т.Р., говоря об этих злодеяниях замечает: Мы известное время воздерживались от напечатания этих известий, ибо мы их считали невероятными. Но прибывшие из разных источников одинаковые сведения не позволяют нам теперь в этом сомневаться. Публикуя эти злодеяния, мы одновременно обращаемся к рабочим организациям, призывая протестовать против них самым категорическим образом».

ФРАНЦИЯ

Конгрессы французских профсоюзов.

Как известно, после войны французское профдвижение раскололось. Причиной раскола были сильные централистические и реформистские уклоны Всеобщей Конфедерации Труда и все нарастающий отказ от принятых на Амьенском конгрессе в 1906 г. революционных принципов. В начале создалось в В.К.Т. (C.G.T.) оппозиция, в которой концентрировались все левые элементы. Позднее оппозиция выступила из C.G.T. и создала свою конфедерацию труда. Эта новая конфедерация состояла из коммунистов, революционных синдикалистов и анархистов и назвалась Об,единенной Конфедерацией Труда. (Confédération Générale du Travail Unitaire). Позднее коммунисты, став в C.G.T.U. большинством, начали насиловать другие течения, вследствие чего много синдикатов выступило из C.G.T.U., сделавшись независимыми. Независимые синдикаты об,единились и создали федеративный Союз Независимых Синдикатов (Union Federative des Syndicats Autonomes).

КОНГРЕСС C.G.T.

Конгресс старой C.G.T. состоялся в Августе. На конгрессе были затронуты общие вопросы франц. рабочего класса. Из прений видно было, что C.G.T., которая в сентябре с.г. праздновала 30-летие своего существования, окончательно сошла с платформы рев.синдикализма, став защитницей социального законодательства капиталистического государства. В деле непримиримой борьбы с капитализмом и государством и свободного общественного строительства посредством соц. революции эта организация вообще больше в счет итти не может.

КОНГРЕСС C.G.T.U.

От начала до конца на конгрессе чувствовалось влияние Москвы. Оно чувствовалось в дискуссиях, речах вожаков и в решениях. Монмуссо, генеральный секретарь C.G.T.U. патетически заявил: «Мы не против всякой войны». Из принятых резолюций видно также, что

конгрессе защищает внешнюю политику русс. правительства. C.G.T.U. вошло в тесное сотрудничество с русским правительством. О самостоятельной классовой борьбе за интересы трудящихся независимо от той или иной политической партии никто и на этом конгрессе не говорил. Напротив, все средства должны быть использованы, чтобы помочь компартии Франции захватить власть. Организацию угнетения — государство, они не желают уничтожить, а лишь изменить ее форму.

ВОПРОС ОБ ОБ,ЕДИНЕНИИ.

По приказу из Москвы C.G.T.U. уже давно пытается создать единый фронт с C.G.T. Унитарцы созвали конгресс, на который представители C.G.T. не пришли, как это впрочем можно было предвидеть. Тогда конгресс C.G.T.U. послал делегацию на конгресс C.G.T. для переговоров об об,единении. Конгресс делегацию выслушал, но ее предложения отверг. Конгресс указал на то, что об,единение сможет осуществиться только тогда, когда C.G.T.U. предварительно распустится. Тогда все ее теперешние члены смогут вступить членами в C.G.T. Раньше или позднее это должно случиться.

ОТНОШЕНИЕ U.F.S.A. к ОБ,ЕДИНЕНИЮ.

В июне с.г. союз Автономных Синдикатов (U.F.S.A.) созвал конференцию для обсуждения вопроса об об,единении. Конференция единогласно высказалась за единство, за единую синдикальную организацию на почве амьенского синдикализма. Если об,единение станет фактом, тогда U.F.S.A. распустится и войдет в единую синдикальную организацию. Если же об,единение не совершится, U.F.S.A. будет дальше существовать, потеряет свой временный характер, и об,единит вокруг себя независимые синдикаты, оппозиционные синдикаты обеих конфедераций труда и отдельных оппозиционных членов в третью общую синдикальную организацию, независимую от какой бы то ни было политической партии и стоящую на платформе революционного синдикализма.

НОВАЯ ГАЗЕТА.

В Париже начала выходить новая еженедельная анархическая газета на итальянском языке «Il Monito». Газета предназначена для борьбы с фашизмом и затрогивает преимущественно вопросы дня.

Адр. редакции «Il Monito»
72, rue des Prairies, Paris (20e).

ГЕРМАНИЯ

Конгресс анархо-синдикалистической молодежи.

Германия, одна из тех немногих стран, где существует анархо-синдикалистическое движение молодежи. До войны здесь не было особой организации молодежи, а молодые товарищи группировались в рядах синдикалистического движения. Во время войны, а в особенности после нее в Германии народилось мощное движение молодежи. В рядах этого движения были разные течения. Причем наметилось отчетливое разграничение между буржуазной и пролетарской молодежью. Последняя совершенно отмежевалась от первой. Но и среди пролетарского движения молодежи намечались разные тенденции. Так народилось социал-демократическое движение молодежи, коммунистическое и анархо-синдикалистическое.

Анархо-синдикалистическая молодежь пошла своей особой дорогой. Она желала создать независимое движение и не вошла в состав Freie Arbeiter-Union Deutschland (Вольный Рабочий Союз Германии). С своей стороны F.A.U.D. всячески поддерживала развивающееся движение молодежи. Большинство участников анархо-синдикалистического движения молодежи являются одновременно членами рев. синдикатов и принимают активное участие в их борьбе и в организационных работах.

На последнем конгрессе F.A.U.D. был затронут вопрос о молодежи. Проектировалось создать секции молодежи при отдельных профсоюзах. Представители молодежи выступили против этого плана, находя, что это было бы нарушением целостности движения молодежи. Конгресс F.A.U.D. с этими соображениями согласился. Делегаты молодежи указали, на нецелесообразности принудительного влияния на молодежь в смысле принятия ею анархо-синдикалистической программы F.A.U.D. Это нужно предоставить времени и собственному развитию молодежи. Сама молодежь успешно борется с некоторыми анти-организационными тенденциями, отчасти проявляющимися в ее среде. Конгресс ан.-синд. молодежи должен был принять окончательное решение касательно своих отношений с F.A.U.D.

Конгресс, длившийся от 14 до 26 октября 1925 г. состоялся в г. Эрфурте. Из отчета тов. Ротслера видно, что Ан.Синд. Орг. Мол. об,единяет около 60 местных групп с 1000 членов. Орган организации «Junge Anarchisten» распространяется в 1000 экземплярах.

Конгресс обсуждал ряд важных вопросов. В принятой идейной декларации анархо-синд. молодежь высказалась в смысле положительном о классовой борьбе, против политических государственнических партий и центральных профсоюзов, за принцип организации. Ан.-синд. молодежь высказалась также за усиленную борьбу за завоевания лучших условий жизни, против фашизма, милитаризма и милитаристских организаций. При этом в декларации указано на то, что защита революции не есть дело милитаристических или политических организаций. Защиту революции организуют трудящиеся массы и их экономические революционные организации.

Доклад об организационных вопросах прочел тов. Гельмут Ридигер. Он высказался за организацию, за членские книжки, регулярные взносы, а также за ограничение возраста членов союза молодежи до 25 лет. Конгресс отверг последнее предложение, а также и предложение Ридигера, чтобы каждый член Союза Ан. Синд. молодежи был членом и F.A.U.D.

Тов. Бетцер говорил об отношении S.A.J.D. к F.A.U.D. Его резолюция была принята 31 гол. против 7. Из этой резолюции приводим следующие места:

Ясно сознавая, что федерализм является единственным созидательным путем, ведущим к победе соц. революции, мы признаем в F.A.U.D. братскую организацию, которая своими индустриальными федерациями с одной стороны и своими биржами труда с другой стороны создает лучшее оружие для урегулирования производства и потребления в духе принципов анархизма.

Исходя из этого положения, конгресс S.A.J.D. решает с большей чем до сих пор энергией распространять идеи анархо-синдикализма. Следует подчеркнуть, что мы, как движение молодежи, не можем отделить свою борьбу от борьбы наших старших товарищей. Мы должны помнить, что как движение молодежи мы являемся только частью общего движения пролетариата и что наше освобождение может быть достигнуто лишь в тесной связи с освобождением всех рев. трудящихся.

Мы считаем важным отметить тот факт, что как революционные классовые борцы, мы желаем бороться за лучшие условия существования, чтобы в процессе этой борьбы показать пролетариату путь к его окончательному освобождению.

Как движение молодежи, мы имеем специфическую задачу — внести в эту борьбу нужное воодушевление и потому признаем участие молодежи в рев. синдикатах.

Об отношении к М.Т.Р. говорил Бетцер и предложил принять резолюцию II конгресса М.Т.Р. о молодежи, что и было сделано. Конгресс решает вести пропаганду в пользу М.Т.Р. среди немецкого пролетариата. К немецкому Мопру (Rote Hilfe), несмотря на защиту последнего Эриком Мюзамом, Конгресс отнесся отрицательно, признав его одним из органов Герм. Компартии. Молодые тов. решили собственными органами защищать преследуемых т-щей как в Германии так и заграницей. В качестве представителя F.A.U.D. и М.Т.Р. на конгрессе присутствовал Аугустин Зухи.

После обсуждения вопроса о культурно просветительной работе было переизбрано старое информационное бюро, состоящее из 4 лиц.

Общее впечатление от конгресса очень здоровое.

ЕЩЕ ОДНО ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

Варшавские газеты от 25 Октября печатают след. известие.

Несколько дней тому назад советская пограничная стража выдала польским властям 12 поляков в возрасте воинской повинности. Эти молодые люди, не желая служить в польской армии, пытались бежать в Россию.

Вот достойная «пролетарской» власти прелюдия к соглашению Скшинского с Чичериным. Это новое доказательство лояльности сов. власти к Польше вероятно повлияет на закрепление союза русских палачей с убийцами Гибнера Киевского и Рутковского. И все это во имя «мировой пролетарской революции».

В ОТВЕТ НА ПИСЬМО Е. ЯРЧУКА

В связи со своим уходом к большевикам Е. Ярчук прислал в редакцию «Дела Труда» письмо от 25/X с просьбой напечатать его в «Деле Труда» дабы раз'яснить, что побудило его к этому переходу.

К сожалению, письмо, состоящее из нескольких пунктов, никакого почти раз'яснения не дает, а представляет собою, главным образом, банальный панегерик большевикам. Желание реабилитировать себя перед большевиками, снискать их милость и в то же время в угоду им лягнуть анархизм составляет главную задачу письма.

Ввиду этого редакций, в согласии с мнением всей Группы Русских Анархистов Заграницей, нашла излишним полностью печатать письмо на страницах «Дела Труда», считая более подходящим для него местом: «Правду», «Humanité», «Известия» и другие большевистские издания.

Для характеристики письма приводим три основных пункта его.

а) «Последние годы моего пребывания заграницей утвердили меня в убеждении, что уничтожение современного буржуазно грабительского строя возможно лишь посредством *насильственной* социальной революции.

б) «Анархисты всех оттенков, продолжая по инерции пользоваться революционной фразеологией, на деле, совместно с социалистическими партиями, со всей силой тянут колесницу демократии.

в) «Безусловно же революционной силой, как в Старом, так и в Новом Свете является партия большевиков (коммунистов)».

Всякий, мало мальски знакомый с политической терминологией большевиков, сразу поймет, что если приведенные три пункта не написаны под их диктовку, то идея их услужливо взята самим Ярчуком из их литературы.

Советует, Ярчук, кроме того, признать анархистам «диктатуру пролетариата» (читай диктатуру компартии), классовую борьбу и другое.

Приходится лишь изумляться более чем недостойному поведению Ярчука, позволяющему говорить о социальной революции, о классовой борьбе, об отрицании буржуазной демократии, как о чем то новом, в анархизме неимеющемся.

Как будто Ярчук не знает, что носителями классовой борьбы и подлинной социальной революции (но не правительственного террора, который Ярчук отождествляет, очевидно, с революцией) всегда были только анархисты, и что именно большевики специализировались на революционной фразе, служившей им для прикрытия их сугубо-буржуазных дел.

Как будто он не знает, что фактическими и принципиальными противниками демократии, т.е. так называемого «народовластия», всегда были единственно анархисты и что большевики от анархистов же усвоили ан-

тидемократические лозунги (должно заметить, только лозунги, сослужившие им большую службу в их партийной демагогии, а не дела).

Ведь не забыл же Ярчук за последние несколько месяцев тот факт, что анархисты никогда не сотрудничали в современных государственных учреждениях именно потому, что они являются принципиальными противниками демократии, т.е. сотрудничества с буржуазией в какой бы то ни было форме, и что большевики поддерживали и раньше и по настоящее время поддерживают это сотрудничество во всех демократических странах Европы и Америки, работая в таких законодательных учреждениях буржуазии, как парламент. Мы не говорим уже об их угнетательской типично буржуазной деятельности в России.

Все это прекрасно знает Ярчук, но очевидно новое положение, в которое он становится, заставляет его сказать неправду.

Никому не возбраняется менять убеждения, искать и находить новую веру- Не следует, при этом, лишь искажать истину. А Ярчук это как раз и допустил. В угоду новой «веры» он искажает факты, искажает принципы и лучшие заветы анархизма, искажает прошлое и настоящее.

По поводу этого можно лишь искренне сожалеть: был человек революционером, а затем взял и сам себя обезличил.

Редакция «Дела Труда».

Товарищи не забывайте о заключенных в советских тюрьмах анархистах; позаботьтесь о необходимой помощи им.

КО ВСЕМ ТОВАРИЩАМ И ОРГАНИЗАЦИЯМ

Товарищи! Издание «Дела Труда» происходит в крайне тяжелых материальных условиях. Каждый номер журнала в 12 стр. вместе с экспедиц. обходится в 50 дол. Сумма эта целиком почти ложится на плечи местной небольшой группы товарищей рабочих, стремящихся всеми силами поддерживать издание рабочего анархического органа. Но не всегда этих сил хватает на то, чтобы обеспечить регулярный ежемесячный выход журнала даже в его теперешнем небольшом размере. Номер 7 «Дела Труда» не вышел своевременно в декабре месяце и был соединен с N 8 в январе месяце исключительно в виду отсутствия средств. Такие перерывы в издании журнала грозят его существованию.

А угрозы эти являются вместе с тем и угрозами нашей анархической работе в русской рабочей колонии разных стран.

Между тем требуются крайне незначительные усилия от заинтересованных в издании «Дела Труда» т—щей, чтобы сделать это издание устойчивым и вполне обеспеченным.

Необходимо прежде всего, чтобы отдельные товарищи и организации, читающие и распространяющие «Дело Труда», поспешили со взносами за все полученные ими номера журнала. Необходимо затем, чтобы эти товарищи и организации постарались сделать заблаговременные взносы в счет каждого следующего номера «Дела Труда.» Взносы эти, посильные и незаметные для каждой организации в отдельности, составят в общем сумму, которая облегчит регулярный выпуск журнала.

Кроме того, независимо от этих взносов, мы призываем организации и отдельных товарищей придти на помощь журналу путем личных пожертвований путем сборов средств в пользу его.

С товарищеским приветом

Редакция «Дела Труда».

КАТАЛОГ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО КНИЖНОГО МАГАЗИНА В ПАРИЖЕ

Русский Отдел.

1.	*Аршинов.* История махновского движения...	6.—
2.	*Бакунин.* Государственность и анархия......	10.—
3.	— Кнуто-герм.империя и соц.революц.	10.—
4.	— Политика Интернационала. Письма к французу: Парижская коммуна.	10.—
5.	*Баррэт.* Анархическая революция	1.—
6.	*Грав.* Умирающее общество и анархия........	6.—
7.	— Будущее общество..................	10.—
8.	— Синдикализм в общественном развитии.	0.50
9.	*Гольдман.* Анархизм.....................	1.50
10.	*Горелик.* Анархисты в Вел.Русск.Революция..	1.—
11.	— Воспитание в Сов. России...........	2.50
12.	*Корн.* Революционный синдик. и анархизм....	2.—
13.	*Карелин.* Краткий курс политическ.экономии.	6.—
14.	— К вопросу о коммунизме...........	1.80
15.	*Кропоткин.* Хлеб и воля (Сев.-амер.изд.).....	8.—
16.	— Хлеб и воля (изд.«Голос Труда»)..	10.—
17.	— Современная наука и анархия.....	15.—
18.	— Анархия	3.—
19.	— Этика	15.—
20.	— Речи бунтовщика...............	8.—
21.	— Великая французская Революция.	20.—
22.	— Поля,фабрики, мастерские........	15.—
23.	— Взаимная помощь...............	12.—
24.	— Справедливость и нравственность.	1.—
25.	*Лебедев.* Элизе Реклю.....................	1.50—
26.	*Малатеста.* В кафейне......................	2.50
27.	*Макэй.* Анархисты........................	10.—
28.	*Неттлау.* Михаил Бакунин..................	1.50
29.	*Пато* и *Пуже.* Как мы совершим революцию..	7.—
30.	*Робэн, Домела Ньювенгуис* и др. Свободное трудовое воспитание..........................	2.50
31.	*Реклю.* Избранные сочинения................	6.—
32.	*Эттор, Траутман* и др. Производственный индустриализм..........................	2.—
33.	*Заяц.* Как мужики остались без начальства...	0.50
34.	— Гонения на анархизм в Сов.России.....	2.50
35.	— Русская революция 1905 г.и анархизм..	2.50
36.	— Анархический Вестник N1—7.Номер...	2.50

Адрес магазина:

Librairie Internationale, 72, rue des Prairies, Paris (XXe).

Le Gérant: Jules CHAZANOFF

Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange - Paris.